

Елена Голованова

Повесть без
начала
и конца

Елена Голованова

Повесть без начала и конца

«Издательские решения»

Голованова Е.

Повесть без начала и конца / Е. Голованова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961636-4

Когда расстояние и время разводит людей, у них всегда остается надежда. Надежда на встречу... Сорок лет назад лучшие подруги разлетелись по стране, но стали писать друг другу письма. Ручкой по бумаге. И все сорок лет бережно хранили эти листы. Сегодня эти письма легли в основу книги — каким было это детство, что волновало и тревожило каждого из нас и конкретно этих девочек. Откройте книгу — и окунитесь в приятные воспоминания. Обо всех нас. О женской дружбе. О любви. О надежде. О вечности.

ISBN 978-5-44-961636-4

© Голованова Е.
© Издательские решения

Повесть без начала и конца

Елена Голованова

Корректор Надежда Соболева

© Елена Голованова, 2019

ISBN 978-5-4496-1636-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя внучка пару лет назад спросила меня, как мы раньше жили без интернета, без компьютера, не имея мобильных телефонов... Я сказала, что даже телевизор в моей семье появился, когда мне уже было лет четырнадцать. Мы читали книги, разговаривали и писали письма. Это было время друзей по переписке. Почта носила конверты из одного конца страны в другой.

Мы учились в девятом классе, когда моя школьная подруга уехала с родителями в другой город, очень далеко от меня. И мы стали писать друг другу. Я очень скучала по ней, писала часто, описывала свою жизнь, жизнь класса, мои письма были похожи на дневник, который я отправляла листочек за листочком Саше.

И спустя четыре десятка лет Саша поступалась ко мне в друзья в VK. После обычного: что, как, где... Саша написала: «Жень, я тоже часто тебя вспоминаю, у меня даже остались твои детские письма. Я посмотрела старые фотографии, нахлынули воспоминания, и я подумала может тебе некоторые письма послать, чтобы ты вспомнила себя в в то время. У тебя есть очень интересные письма! У меня есть и немного Лериных писем...»

Уже через неделю я несла с почты толстый пакет. Дома сначала рассортировала: самая высокая стопка – как раз те, что я писала Саше, когда они только уехали из нашего городка, стопка поменьше – Лерины, и несколько писем, десятка два – седьмой-восьмой класс, когда мы жили на одной улице Шевченко, в двух кварталах друг от друга и виделись ежедневно, но кроме того еще и писали друг другу, как будто знали заранее, что в недалеком будущем расстанемся и будем общаться только в письмах. Я читала и... то – смеялась, а то – слезы накатывали.

– Саша! Нет слов для благодарности! Такого подарка я еще не получала ни от кого. Как будто я ощутила в детстве, настолько живо все встало перед глазами, многое я уже не помнила. Судя по письмам, я была черно-белой, прямолинейной.

– Жень, ты была солнечной девочкой. Ты для меня вообще всегда была идеалом, ты была смелой, ответственной.

– Насчет смелой ты загнула. Ты, наверное, забыла, как вы все спрыгнули с вашей крыши в сугроб, а я сидела и трусила и чуть не плакала. И на вышку в поле я лезла последняя. Вы до верхней площадки, а я лишь на нижнюю, а потом там легла и просила вызвать вертолет. Я реально трусила!

– А я всегда малодушничала, помнишь как мы яблоки воровали, вот где я трусила!

– Я боялась высоты, темноты, боли, боялась уйти на лыжах на тот берег водохранилища. А ты боялась позора. Это две большие разницы.

– Вот и исповедались друг другу. А я помню, как долго тосковала по Вытегре, писала тебе:

Не у моря живу я, у горя,

*У бескрайнего, без берегов.
Нет тебя, значит нет и моря,
До которого десять шагов.*

Когда я прочитала всё, у меня появилось сильное желание написать по письмам рассказ о своих школьных годах.

Но то, что я здесь напишу – это не документально, потому что некоторые прорехи я не смогла восстановить в памяти. Здесь будет много художественного свиста.

*Все может в жизни забыться,
Как старые ленты в кино.
Только однажды, как птица,
Прямо к тебе постучится
Школьная песня в окно...*

С Сашей, Леркой и Вале́й я дружила с конца шестого класса. Они были подругами с самых первых школьных дней, а я ворвалась в их компанию, как ледокол.

До этого я дружила с Аней Абрашиной, Светой Ситниковой и Аней Кошкиной, причем, с Кошкиной – еще с детского сада. Но весь четвертый класс я провела далеко от дома, в санатории, Светка и две Ани сдружились без меня, и, когда в пятом вернулась в свою школу, постепенно мы стали отдаляться друг от друга.

Услышав однажды, как девчонки, ходившие в группу продленного дня, обсуждают книгу, что им там читали, как они с нетерпением ждут продолжения, я тоже захотела на продленку. Хотелось после уроков не идти домой, а остаться в школе, слушать книгу, которую читают вслух, и ходить на обед в столовую «Под березками».

Я пристала к маме, чтоб она написала заявление, она отнекивалась, говорила, что у нас есть бабушка, что туда ходят лишь те, кого дома не с кем оставить, но я уговорила попробовать. «Ну, хотя бы, одну четверть! Ну, один месяц!» И там я подружилась с Сашей, Лерой и Вале́й.

Сашин дом стоял на Шевченко в двух кварталах от моего, на перекрестке, но смотрел окнами на Никонова. Улица Никонова налево уходила вниз к Валиному дому, а вправо поднималась полого в гору и вела прямо к нашей школе. Она была окраинной – за домами огорода, а за ними простирался большой луг, потом дамба, водохранилище и пляж.

Мы все были очень разные и внешне и по характеру. Саша невысокая, с карими глазами, темно-каштановыми, слегка вьющимися волосами. Валя тоненькая, рыжеволосая, с нежно-розовой кожей, усыпанной веснушками. Когда она смеялась ее лицо с острым подбородком напоминало лисью мордочку. Лерка тоже конопатая, веснушки образовывали целые колонии на ее горбатом носу и на всем лице, волосы у нее были густые, жесткие, непослушные и абсолютно белые, лишённые всякого пигмента, только на самом затылке в белых волосах пряталась совершенно черная прядь, толщиной в палец. Лерка не носила волосы на прямой пробор, не завязывала два хвоста, чтоб не видно было эту прядку.

Мы с Леркой были одного роста, только Лерка ширококостная и немного угловатая в движениях, а я с округлостями в нужных местах. У меня не было особых примет в виде ярко-рыжих или белых волос, не было карих глаз или веснушек. Внешность моя была типичной – русые прямые волосы, довольно жидковатые, нос – как нос, глаза – как глаза. Если только губы – они у меня всегда были яркие, в старших классах мальчишки дразнили, что я их крашу.

Саша в классе тихая и почти незаметная, в нашей компании была главной, хотя Ситниковцы и называли нашу компанию Антохинцами, по моей фамилии, но это скорей оттого, что они меня знали лучше. Саша много читала, хорошо рисовала, я тянулась за ней – читала то, что читала она, полюбила фантастику. На кружок по рисованию тоже пошла вслед за Сашей.

Саша жила с мамой, папой и двумя старшими сестрами. Я любила бывать в их небольшом уютном доме. Мы с ней могли играть в школу, где куклы изображали наших одноклассниц. Отношения в нашем кукольном классе мы строили, как нам хотелось. Самую смешную, лысую и косую, мы назначили Светкой Ситниковой, и она у нас училась на двойки, а еще попадала в разные дурацкие ситуации. Мальчики ее не любили, они любили нас. Мы сами умирали со смеху над тем, что придумывали. На самом-то деле в нашем классе только Светка и пользовалась успехом у мальчишек и считалась самой красивой девочкой.

Мы могли и просто сидеть в одной комнате и молча читать. Читать час, другой, каждая со своей книгой, и нам не было скучно. Однажды Галя – средняя сестра, самая серьезная из них троих, посмотрела в мою книгу:

– Женя, пора уже читать что-нибудь более взрослое. Возьми потом вот эту.

Я заглянула на ее страницу – ни иллюстраций, ни диалогов, один большой сплошной абзац.

– Ну-у, это скучно. Даже ничего и не говорят!

– Там, где не говорят, там как раз и происходит что-то, – усмехнулась Галя.

Валя часто была участницей наших затей, но не проводила с нами все свободное после школы время. Мы же, я, Саша и Лера, почти все время были вместе. Валя всегда оставалась самой закрытой. Она была в курсе наших влюбленностей, но мы никогда не знали о ее симпатиях. У нее, кроме нас, были подруги, живущие рядом с ней, не из нашего класса. В доме у Вали мы бывали редко.

Лерка была выдумщицей, фантазеркой, она бралась за что угодно, и ей все удавалось. Особенно меня удивляла ее способность сесть за пианино и тут же сыграть любую мелодию на слух, хотя она никогда не училась музыке. Наша учительница пения посоветовала Леркиной маме отдать дочь в музыкальную школу, но у той не было денег платить за обучение. Леркины родители выпивали. Отец выпивал, как будто стесняясь, был молчалив, по крайней мере, при нас. А мать брала стопку водки в руку с татуировкой на пальцах – В, А, Л, Я, опрокидывала, морщилась и, выдохнув, обязательно весело говорила:

– Ух, горькая. Как бедные солдаты пьют?

Меня удивляла манера Леркиной матери всегда говорить о себе в третьем лице. Плаксивым голосом она пеняла Лерке и ее младшей сестре:

– Мама работает, работает, а вы маму не жалеете! В комнате у себя прибрать не можете! Мама с работы пришла усталая...

Но с Леркой было весело. У них никогда не водилось в доме запасов еды, обычно не было и обеда, но чаем с белым хлебом и черничным вареньем там угощали всегда. Моя мама удивлялась, если я уходила к Лерке и зависала там надолго:

– В доме ничего нет, шаром покати, а вам там, как медом намазано.

Но все же чаще Лерка приходила ко мне или Саше, чем мы бывали у нее.

В Сашкином дворе стоял сарай, на втором этаже которого мы устроили штаб. Мы все были влюблены в Тимура и его команду, нам хотелось такой же штаб. В качестве идейного противника мы выбрали себе «ситниковцев», хотя свою идею мы не смогли бы сформулировать даже для себя.

Нам просто нужно было тайное место, где бы мы собирались. Сначала я хотела сделать штабом нашу веранду. Там было светло, стояла кушетка, небольшой синий шкаф, который вполне мог сойти за сейф, и старый папин письменный стол с большим чернильным прибором, на карандашнице которого лежала черная трубка от телефона. Но на веранде мы не чувствовали себя уединенно, мимо все время ходила бабушка, из дома в сарай или огород и обратно.

И тогда мы устроили штаб у Чумаковых в сарае. Наверху раньше, видимо, был сеновал, но теперь в этом сарае не было никакой живности, он использовался как дровяник, а наверх, как на чердак, стаскивали старый хлам. Там стоял диван и у крошечного окна – стол. Окно

почти не освещало помещение, было темно, но уютно. Мы по приставной лестнице забирались, сидели там вчетвером или втроем, разговаривали обо всем, мечтали.

А мы с Сашей иногда писали друг другу письма, но не отправляли их почтой, а бросали прямо в почтовый ящик на двери, когда приходили друг к другу.

Женя – Саше: август

«...Мы вчера с Машкой Ивановой гуляли на лугу и нашли мертвого куличка. Кажется, это был не взрослый кулик, а птенец-подросток. Мы взяли от него на память по перышку и похоронили птичку в болоте. Посылаю тебе перышко из крыла куличка.

Ивановы купили телевизор «Горизонт», собираются ставить на крышу антенну. Мама говорит, что мы тоже в этом году купим.

Я сейчас дочитываю «Марийкино детство» Дины Бродской, мне очень нравится. Я сегодня пойду в библиотеку.

Я отгадала всё, что ты нарисовала в рисунках. Первый – это закат, на который мы смотрели в деревне, да? Помню, как огромное-огромное солнце упало за елки, и небо стало красным.

Второй – мы кидаемся подушками в интернате, в Череповце? Да?

Я так хохотала, когда рисунки разглядывала!

До 1 сентября осталась неделя. Уже хочется в школу, а тебе? Хочу увидеть своих и С. Р. Давай с тобой сядем за одну парту? Мама сказала, что у нас в этом году будет новая классная, Таисия Васильевна ушла на пенсию. Интересно, кто будет?

До свидания. Женька»

Машка – это соседка Вали, наши мамы: моя, Валина и Машкина, работали вместе, в одном швейном ателье, а с Машкиной младшей сестрой дружила моя сестра Тоня, Антошка. Поэтому и я частенько гуляла с Машкой. Но мы все время ссорились, потому что она была трусихой и ябедой, мы с Валею дразнили ее, а та жаловалась своей матери. Никому из нас не приходило в голову рассказывать мамам о ссорах или обидах, а Машка ябедала, и ее мать – высокая, красивая тетя Роза, встретив нас на улице, останавливалась и начинала стыдить. А то еще и жаловалась нашей маме. После этого мы дразнили Машку еще сильнее. Однажды вечером мы с Валею и Тоней зашли со стороны луга, проползли по-пластунски все сугробы на большом огороде Ивановых и прилепили к стеклу на окне лист бумаги, где было крупно написано «Иваниха – ябеда и трусиха!»

В комнате у Ивановых горел свет, вся семья садилась ужинать, мы лепили записку, она отваливалась, мы хохотали и старались прикрепить ее. Нас заметили, на крыльцо выскочила бабушка Настя и ругалась на нас, называла бесстыжими и хулиганками, а мы удирали по их огороду в сторону поляны, увязая в глубоком снегу, падая и смеясь. Хорошо что их Кучум не сорвался с цепи, Тонькина жопа уже была знакома с его зубами.

Новой классной в седьмом у нас оказалась Алевтина Ивановна.

– Я буду вести у вас английский язык. И хотя мой урок у вас всего два раза в неделю, видется мы будем каждый день.

И на первом же классном часе она рассадил нас по-своему, как ей казалось правильным. Меня с Иркочкой Чурсиной, а Саша оказалась с Семечкиным, по прозвищу Семядоля. С Иркочкой сидеть было скучно, она на уроках со мной не разговаривала, да, впрочем, и не о чем мне было с ней говорить. Я смотрела в окно: за окнами нашего класса шелестели серебристые тополя, которые так разрослись, что в затененный школьный двор почти не проникало солнце. Деревянные мостки через овражек вели к маленькому зданию начальной школы. Три года назад мы учились там, а теперь в двухэтажном, главном здании.

По соседству с нашим классом был буфет, мы бежали на перемене за пирожками с присыпкой и коврижками. Хоть наш седьмой «В» к буфету и был ближе всех других классов, первыми не всегда удавалось прибежать. Мальчишки, толкавшиеся в очереди, все время норовили проверить, носим ли мы уже лифчики, пытались сквозь форму подцепить пальцем застёжку. А один раз какой-то идиот так больно ткнул мне пальцем в грудь, что чуть слезы не брызнули. Потом я долго переживала, что эта грудь теперь не вырастет, она долго была меньше. Но потом наоборот, стала расти эта, а вторая остановилась. Они росли почему-то, то одна, то другая по очереди, а не дружно.

Все наши ровесники были дураками, кроме Сашки Ромашенко из седьмого «А». Он появился в нашей школе в прошлом году. Отец у Сашки военный и его перевели к нам в город. Сашка был высоким, со светлыми волосами и синими глазами и отличался от других мальчишек тем, что всегда был подтянут, аккуратен. И друг его Юрка Квасов такой же красивый, только брюнет, но все девочки были влюблены в Сашку, а он бегал за Светкой Ситниковой. Из-за Ромашенко Анька Звонарева набивалась в подружки к Ситниковой, чтоб быть к нему поближе. Светка с двумя Аньками все время убегали, а третья упорно ходила за ними.

А прошлой весной... Я надеялась, что к седьмому об этом все забыли, и Ромашенко тоже.

Однажды вечером я ходила в магазин на Революцию и встретила там Абрашину. Пошли рядом, нам было по пути, и сама не зная зачем, я сказала, что Ромашенко предложил мне дружбу, передал записку. Абрашина заглянула мне в глаза:

– Можно, я с тобой буду ходить?

– Да, – сказала я и стала врать дальше с подробностями, отвечая на вопросы Аньки, как да что именно написал в записке Ромашенко, и завралась совсем.

Ночь плохо спала и думала, вот раскроется мое вранье, и что скажу? Наутро и Звонарева подошла ко мне:

– Можно, я с тобой буду дружить?

Ситникова сначала ничего не понимала. Все три Ани отвернулись от нее, ходили на всех переменах за мной, но Ромашенко по-прежнему не замечал меня, а крутился возле Ситниковой, чем вызывал у Ань подозрение. Обман раскрылся в тот же день, к концу уроков. Ромашенко с Квасовым открывали дверь в наш класс и с интересом разглядывали меня, а я страдала, что у меня нет шапки-невидимки. Было так стыдно! Но и обидно.

Девчонки потребовали ответа: «Зачем?» Светка тоже подошла и с удивлением спросила:

– Женя, зачем ты наврала?

Мне нечего было ответить, и я сказала:

– Чтоб показать тебе, чего стоит дружба твоих Ань! Они ходят с тобой из-за Сашки, и в тот же час отвернулись от тебя.

Но это было в шестом классе. А в седьмом Ромашенко стал еще выше, еще красивей, а в нашем классе мальчишки остались такими же мелкими и пустыми. Кроме, разве, Генки Акустьева. Он мне тоже нравился – невысокий, белобрысый, нос у него картошкой, но Генка был умный и учился лучше всех. Генка мне нравился, но он все время смотрел на Алю Безумову. Я иногда следила за его взглядом и удивлялась – что он в ней нашел? Безумова была круглолицей, с ямочками на подбородке и на тугих щеках, а нос у нее такой, будто она прижалась им к оконному стеклу, и стала похожей на поросенка. Такой улыбчивый щекастый поросенок с толстыми косами и пышной кудрявой челкой.

Женя – Саше: октябрь

«...Ты говоришь, что не любишь писать писем, а я наоборот – писала бы тебе каждый день. Пишу тебе «Здравствуй, Сашка», а сама думаю, что пишу С. Р. Он ведь тоже Сашка. И когда получила твое письмо и увидела «Здравствуй, Женечка!», честное пионерское, так

приятно, будто от него письмо получила. Ты не обижайся, ладно? Тебе ведь он тоже нравится.

Ты спрашиваешь, хорошая ли Яблокова, а я не знаю. Я же ее не видела, я была в санатории с ее одноклассницей – Котомкиной. По письмам она хорошая. Но моя бабушка говорит, что и я хорошая, когда сплю, да когда дома нету. Но мне все-таки кажется, что она хорошая. Только иногда выражается как-то... Например, пишет мне: «Будь счастлива в том, что так просто называется – Жизнь!» А по-простому что ли нельзя сказать? Не люблю я этого.

Да, мне тоже понравилась «Корттик. Бронзовая птица». А сейчас я читаю В. Ананяна «На берегу Севана» Очень интересная! Когда я буду сдавать в библиотеку, возьми, почитай!

Как хочется скорей зиму! Хочу на лыжах и на коньках кататься! А тебе хочется зиму? ...»

В начале зимы мама всегда брала лыжи напрокат: себе и нам с Тоней. У маленьких у нас были свои лыжи, которые крепились ремешками на валенки, а лыжи с ботинками она не покупала – дорого. Говорила, что все равно нужны только лишь три месяца в году, а на следующий год нога вырастет, ботинки станут малы. Новые покупать? А в прокатном пункте лыжи и ботинки всегда были, любой размер, только надо было не прозевать, успеть, пока все не разобрали.

И в школе лыж для физкультуры было предостаточно, нам не требовалось носить свои из дома. Даже если кто-то на уроке ломал лыжу, с родителей стоимость не высчитали и даже не ругались на нас. В школьном спортзале по одной стене за стойками стоял лес разноцветных и разнокалиберных лыж с ботинками.

По воскресеньям мы часто выезжали вшестером: мама, я, Тоня и соседи: тетя Нина с другой половины нашего дома со своими дочками. Мы ездили в лес за стадион, там всегда были накатаны лыжни по три, пять и десять километров. Мама наша очень хорошо каталась на лыжах, она раньше всегда в городских, районных и даже – областных соревнованиях участвовала, у нее разряд и значки ГТО, а тетя Нина за ней не поспевала, на горках падала и хохотала.

На неделе после школы мы с Сашкой ездили кататься на лыжах к водохранилищу. Там был высокий склон вдоль водосброса и по берегу реки, и мальчишки на горе всегда делали трамплины. По лыжне, на которой трамплин, я боялась съезжать, а по ровной любила. Спуск длинный!

А один раз мы просто пошли по замерзшему водохранилищу. Решили идти на тот берег. Сашка сказала:

– А давай уйдем в лес на тот берег и заблудимся!

– Давай!

Шли, шли... шли, шли, а все еще даже не на середине водохранилища. Уже начало смеркаться. Неподалеку, возле нас еще что-то видно, а впереди темный лес. Совсем черный. Оглянулись, а сзади далеко город. Редкие уличные фонари горят. Мне стало страшно в лес идти, я посмотрела на Сашку, та идет вперед и молчит. Мне тоже не хотелось признаваться, что боюсь, но Сашка упрямая, ни за что первая не признается. Я не выдержала:

– Может, обратно?

– А как же «заблудиться»? Эх, Женя, какая ты трусиха!

Я начала оправдываться, что я вовсе не боюсь, а думаю – мама будет волноваться, а Сашка так усмехнулась, будто вовсе не верит мне и как бы нехотя повернула назад. А мне показалось, что она даже с облегчением вздохнула. Главное, что я предложила, а не она.

Каток заливали неподалеку от Леркиного дома. Мне коньки на ботинках отдал Толя, мамин брат. Они были мальчишечьими, коричневыми и с обшарпанными носами. А я мечтала

о высоких белых «Снегурках»! Как у фигуристок. Но где было их взять? Хорошо хоть такие были, Лерка вон вообще каталась на простых, которые к валенкам привязывала и палочкой закручивала.

Вечерами на катке всегда было полно народу. Я научилась быстро кататься, даже получилось немного прокатиться задом наперед, а кружиться – никак. Обычно мы с Сашкой и Леркой катались вдоль по периметру катка. На середину не решались выехать, там так быстро все носились! И иногда нарочно девочек сбивали с ног, будто не видели. К Сашке все время приставал Звонов, хулиган из интерната. Сашка его ужасно боялась, но нам говорила, что он добрый, что он просто вид делает, будто такой уж хулиган.

А однажды Звонов пришел пьяный! И все хотел с Сашкой познакомиться, а она говорила ему, чтоб отстал. Но Саша очень застенчивая, у нее голос тихий. Звонов ее не слушал, схватил за руки и вытащил на середину катка, понесся с ней быстро. И все расступались перед ними, Сашка мчалась с ним два круга, по-моему, ни жива ни мертва, а потом он все же подвез к нам и отпустил. Резко остановился на большой скорости, она от неожиданности упала. Звонов помог ей встать и уехал. Мы пошли домой, потому что уже поздно было. Сашка шла всю дорогу молча. Я возмущалась, какой нахал этот Звонов, какой он балбес, а она ничего мне не отвечала. Я посмотрела на нее сбоку, она шла с красными щеками и о чем-то про себя думала. Ей понравилось, что ли?

Женя – Саше: декабрь

«... Саша, мне мама дала денег на голубой материал, а белого бабушка дома найдет. А Лерке денег не дали, у тети Вали нету. Придется нам с тобой быть двумя мушкетерами. Я – Арамис, а ты кто?»

Я у бабушки Тони попросила цветной гофрированной бумаги, сделать перья на шляпу. Она дала зеленой и розовой. Давай завтра будем шляпы клеить! Приходи ко мне. Я уже купила два листа ватмана.

Жалко, сапог нет высоких. А можно на бурки сверху пришить полоску картона и вырезать зубцами. Черную. Да?

Мама сейчас сшила платье тете Шуре и вышивает его бисером. Так красиво! Мне бы такое платье!

Нет, я не читала «Книжную лавку близ площади Этуаль». А ты читала «Честь» Мединского или «Белую бабочку» Рабичкина? У меня есть свои, если хочешь, дам.

Жду тебя завтра...»

Перед Новгодним бал-маскарадом в школе повесили объявление, что без костюмов на бал не будут пускать. Будет конкурс на лучший костюм и призы. Мы решили сшить костюмы мушкетеров. Я, Сашка и Лерка. Это несложно: брюки, белая блузка, вместо сапог-ботфортов – черные бурки. Оставалось только сшить голубую накидку-плащ, да склеить шляпу из картона. Ткань мы присмотрели в «Продмаге». Там, правда, бледно-голубой, не яркий, другого не было, но ничего, сойдет.

У Лерки с костюмом не получилось, а мы с Сашкой сделали шляпы из листов ватмана, раскрасили их, приделали перья из цветной гофрированной бумаги. Шляпы получились слегка кособокими, все время сваливались, даже нельзя слегка головой тряхнуть, но все равно очень красивые. Мы пришили к ним резинки под подбородок, чтоб не падали.

Но нам наврали, что не будут пускать без костюмов, половина девчонок были просто в платьях, а мальчишки почти все в брюках и рубашках. Зря Лерка испугалась, что не пустят, и не пошла на бал-маскарад. У входной двери стоял огромный ящик с прорезью и каждый мог бросать туда открытки и записки кому хочешь. Я, конечно, бросила поздравление Ромашенко,

только не подписалась. Время от времени «почтальон» доставал из ящика почту и со сцены объявлял кому письмо. И все подходили за ним. Чаще всего звучало:

– Мушкетеру Жене А.!

Или:

– Мушкетеру Саше Ч.!

Столько открыток и записок не получил никто! Нам уже некуда было складывать, мы бегали вниз, в раздевалку и убирали их в карман пальто.

Нас все разглядывали, мы с Сашкой даже стеснялись. Но некоторые, правда, пытались дернуть то за плащ, то за перо на шляпе, приходилось отбиваться рапирами. Рапиры мы купили в «Детском мире», они пластмассовые, иногда хотелось как настоящими. Я Макс ткнула рапирой в живот, когда он попробовал тронуть меня за шляпу, рапира согнулась полукругом, Макс захохотал, как идиот. Как тут не дашь ему по башке?

В конце вечера стали объявлять победителей в конкурсе костюмов. Нам с Сашкой дали второй приз – один на двоих, по книге из серии «библиотека фантастики и приключений». А первый – пригласительный билет на елку в Клуб Речников, дали девочке из седьмого «А» – за костюм Звездочета. У нее была островерхая шляпа конусом с накидкой из темно-синей марли, на которой нашиты звезды, и длинное платье. Красивый костюм, но все говорили, что у нас лучше. Если бы судили по полученным открыткам, то мы бы точно заняли первое место.

Женя – Саше: январь

«...Сейчас у меня сидит Лерка, ее отпустили ко мне ночевать. Мама сегодня уйдет на день рождения к дяде Славе, в ту половину. А мы будем смотреть «Анну Каренину» по телевизору.

А ты Сашка – нахалка! Я пришла к тебе, чтоб ты мне задание по математике дала, ты что-то там на листке писала, писала... Я вернулась домой, и только с Леркой тетради разложили, уроки делать, раскрываю твой в сто раз сложенный листочек, а там! «Женечка, а у меня не записано!»

Мы с Леркой глаза выпучили, а потом давай хохотать! Бабушка прибежала к нам в комнату и сказала: «А жаба сядь! Разве можно так арандовать? Вы же девочки, почти девушки, а гогочете, как кобылы!»

Тут мы вообще под стол от смеха уползли, а бабушка махнула на нас рукой и вышла.

Теперь ты будешь виновата, что мы математику не сделаем. Сразу бы сказала, что не записано, я бы до Вальки добежала, а теперь уже лень. В общем, наши двойки будут на твоей совести!»

Мама недавно купила телевизор «Рекорд» с пузатым выпуклым экраном. В кредит. Стоил он 330 рублей. Это две с половиной маминых зарплаты. Он был, конечно, меньше, чем у Машки или у Вали, у них «Горизонт», но бабушка сказала:

– У них мама и папа работают, а у вас только мати. Был бы папа жив, был бы у нас и телевизор большой, и холодильник был бы.

И все-таки мы очень рады телевизору, наконец-то можно смотреть фигурное катание дома, а не ходить к Ивановым или к Разгуляевым. Бабушка на день завешивала экран «Чтоб не пылился» бархатной салфеткой с памятником рабочему и колхознице. Днем все равно ничего по телевизору не показывали, называлось – час профилактики, если включали, на экране была какая-то таблица.

Телевизор стоял в зале, в почетном углу, вытеснив с тумбочки большой радиоприемник с проигрывателем. Бабушка занесла из кладовки в дом узкий кособокий стол, на который зимой убирала с окон цветы, и приемник перебрался на этот стол. Вечером после ужина, мама

с бабушкой садились на стулья в дверях, открывая обе створки в зало – «Близко нельзя, вредно для глаз» – а мы с Тоней вообще любили смотреть из столовой, с теплой лежанки.

Однажды мы лежали вечером на лежанке, грелись перед тем, как лечь в кровать, и болтали – по телевизору шел неинтересный концерт. Тонька меня спросила, есть ли у меня уже министрации. «Что это такое?» – «Нуууу, это когда кровь... ну, понимаешь? ... Нету? А у Ленки Тойвонен из нашего класса уже есть!» Наутро я посмотрела в «Малой Советской Энциклопедии», хотела почитать, но ничего такого не нашла.

А через несколько дней у нас ночевала Лерка и я спросила у нее. Лерка посмотрела на меня и сказала:

– Дура. Менструации, а не министрации!

И я полезла в энциклопедию читать всё про них. И прочитала. Ничего себе! У Ленки из Тонькиного класса уже были, а у нас с Леркой нет.

Хорошо, что в мире есть энциклопедии. Вообще, у нас была большая библиотека, оставшаяся от папы. Я любила читать. Правда, детских книг там было не так много, но я всегда находила что-то, что мне интересно.

Женя – Саше: март

«...Сашка, представляешь, я дала Ситниковой почитать библиотечную книжку «Чужой» – Юргелевич, а она потеряла! Говорит, кому-то еще дала почитать. Мне пришлось в библиотеку отнести свою взамен. Мне библиотекаряша написала список утерянных книг, может, в папиных какие есть, и я нашла «Рубин эмира Бухарского» – отдала им.

Ты еще не сочинила стихотворение про слоненка? Я вчера на уроке подглядела у Лерки. Она начала так: «Убежал слоненок от папы. Убежал слоненок от мамы. Убежал он в дремучие джунгли и бродил неведомо где...» Потом она закрылась от меня локтем и дальше не показала. Сказала, что еще не готово. А я тебе посылаю свое:

*У папы-слона и у мамы-слонихи
Родился слоненочек, маленький, тихий...
Он целыми днями то – в джунглях гулял,
А то – на песочке под солнцем лежал,
То к морю шагал обливаться водой...
А вечером он возвращался домой.
Однажды слоненок в лесу заблудился,
Отец его в поисках с ног совсем сбился.
Он бегал по лесу, слоненка искал,
А тот в это время под пальмой спал.
Тогда за слоненком слониша пошла.
Слониша слоненка под пальмой нашла.
Лежал он и плакал, и мамочку звал..
Увидев ее, он к ней побежал.
Слониша слоненку на радостях уши
Надрала и повела его ужинать.*

Я показала свое Лерке, но она сказала, что глагольные рифмы в стихах считаются плохими, а УШИ – УЖИНАТЬ вообще – не рифмуется. А я сказала, что – что бы она понимала! У Маяковского есть еще и не такие рифмы. И это называется неологизм. Вообще-то, неологизм – это новое слово, придуманное. А у меня новая, придуманная рифма. Я рассердилась на Лерку. Фу на нее.

А тебе еще не пришел ответ из редакции? Мне – нет. Скорей бы!

А мне мама не купит ни желтых сапожек, ни красных. Мы ходили в магазин, мерили, а они все мне великоваты. Вот.

Я тебе пишу, а меня кошка Липка царапает. Ой! Ой! Ой!»

Мы с Сашкой и Леркой договорились писать стихи и рассказы. Брали какую-нибудь тему и все писали на эту тему. Я и Сашка отослали свои рассказы в «Пионерскую правду». Очень долго не было ответа, а потом нам обоим пришли оттуда письма. На красивой бумаге, сверху нарисован пионерский значок и галстук. И написано обоим одно и то же: «К сожалению не можем напечатать Ваш рассказ. Вам не хватает опыта и знаний...» И посоветовали лучше учиться в школе. Я никому это письмо не показала, кроме Сашки. Чтоб не смеялись.

Вообще-то, хоть мы и писали в «Пионерскую правду», Сашка собиралась вступать в комсомол. Она учила устав ВЛКСМ, гулять почти не ходила, так волновалась! В классе их уже на собрании принимали, они устав рассказывали, а в Райкоме гораздо страшней. Сашка всех членов политбюро выучила и руководителей компартий соцстран. Вступала из нас четверых одна она, мне, Лерке и Вале к 22 апреля еще не исполнялось четырнадцать.

Я вообще была младшей из нас, но зато у меня уже пришли менструации! Только мы с Леркой о них поговорили, а в следующем месяце и случилось. Я в это время на почте покупала конверты и почувствовала, что что-то не так. Пришла домой и обнаружила. Мама была в гостях у Логутиных, в той половине. Я пошла к ним и вызвала маму, шепнула ей на ухо, а она сказала, что это нормально, что так бывает, чтоб я шла домой, она скоро вернется. Ничего себе! А я думала, она переполошится и тут же прибежит и будет что-то делать. Хорошо что я всё уже из энциклопедии знала. А Лерке всё тетя Валя рассказывала об этом. Вот интересно, мои мама с бабушкой считают тетю Валю безответственной матерью, а она дочке все рассказала.

Недавно мама пришла с родительского собрания и сказала, что опять Алевтина Ивановна на меня жаловалась, что я плохо занимаюсь. «Женя может, может учиться лучше! Но не хочет». Мне Алевтина уже на уроках надоела. Спросит меня на английском, поставит «четверку», а потом ехидно скажет:

– А вот я перед этим вела урок в классе, где твоя сестра учится. Тоня мне опять на пятерку ответила!

Ну и пусть ответила. Все учителя мне Тоню в пример ставили, она круглая отличница. Но мама еще потом так посмотрела на меня с любопытством:

– А еще на собрании рассказали про стул. Как вы хотели подсунуть сломанный стул Ираиде Витальевне. Весь класс! Какой позор! И только две девочки встали и сказали, что стул сломан, чтоб она не садилась.

Я молчала. Мама продолжала:

– Нам Алевтина Ивановна так и не сказала, кто эти девочки. Велела всем дома спросить у вас. Кто они?

Я промямлила:

– Это мы с Леркой.

– Я почему-то так и подумала, – удовлетворенно сказала мама, – Только не понимаю, почему ты этого стесняешься.

А я не стеснялась, но просто нам с Леркой в классе досталось из-за этого. Было так. На перемене кто-то из мальчишек вскочил на стул ногами, а стул возьми и развалился! На части рассыпался. Они его сложили, вставили ножки, перекладчины к спинке приделали, но явно, он бы сломался под первым, кто захотел на него сесть. А тем более, под Эвгленой Зеленой. Это так мы звали нашу зоологичку. Следующим уроком у нас должна была быть зоология. Эвглена очень крупная. Мальчишки поставили стул у стола и сказали:

– Пусть сядет!

Все сразу зашумели и захохотали, стали представлять, как Эвгена Зеленая сидит посреди обломков. Мы с Леркой сказали, что так нельзя, хотели было убрать стул вообще из класса, но нас не подпустили к нему. Сашки в этот день в школе не было. Все, даже девочки, говорили:

– Вы что, отделяетесь? Вы против всех хотите идти? Мы вам бойкот объявим, если вы скажете!

Нас не выпустили из класса, чтоб мы не предупредили зоологичку в коридоре. Звонок прозвенел, Эвгена зашла в класс с журналом, повесила на доске какие-то плакаты и подошла к столу. Мы с Леркой смотрели на всех по очереди, а все – на нас. Эвгена взялась рукой за спинку стула. Тут мы не выдержали и одновременно с Леркой вскочили со своих парт в разных местах:

– Ираида Витальевна!

– Да. Что вы хотите сказать?

– Не садитесь на стул, он сломан.

Эвгена сказала «Спасибо», подняла стул и отнесла его в угол, где он уже скособочился и упал, а сама весь урок простояла. Обычно она вообще со стула не вставала, только поворачивала голову, то – к доске, то – к классу. И она ничего, ни слова больше не сказала, вела урок, как обычно. Никаких нотаций, будто ничего и не случилось. Мы думали, что классная нам устроит разбор, но и она молчала все дни. Неужели Эвгена никому не рассказала? Весь класс с нами не разговаривал два дня, смотрели на нас с презрением, а потом все как-то само собой забылось, потому что никто бучу не поднял. А тут вот, на собрании рассказали родителям. И то – без имен. Хорошо, что без имен, а то опять бы с нами не стали разговаривать.

Женя – Саше: конец марта

«...Саша, ты уже наверное, выучила Устав наизусть? И спереди назад и сзади наперед. Не зашла ни разу ко мне.

Я все эти каникулы проболела. Лежу уже пятый день. В первый день температура была 38 и 6, я не могла на ногах стоять. Пошла на веранду и вдруг ничего не увидела, всё перед глазами поплыло, и я шарахнулась лицом о дверной косяк. Шишку на лбу набила. Стою, вцепилась в косяк и боюсь пошевелиться. Бабушка выходит из дому, говорит: «Ты чем тут брякаешь?» Она меня обратно домой завела.

Сейчас попрошу Тонию отнести письмо в твой почтовый ящик.»

Незадолго до двадцать второго апреля – столетия со дня рождения Ленина у нас был субботник. Алевтина Ивановна сказала:

– Явка строго обязательна! Не забудьте, через два дня вы идете в райком комсомола, вступаете в ряды ВЛКСМ! Я посмотрю, как вы будете работать.

В этот день было всего три урока, и после них нас отпустили домой пообедать, переодеться и к двум часам сказали – прийти к школе. Мы четверо: я, Саша, Валя и Лерка пришли первыми. Выбрали себе грабли с хорошими ровными черенками, тут стали подтягиваться все остальные. Ситникова с Абрашиной, которые живут к школе ближе всех, пришли последними и стали выпендриваться:

– Нам инструмента не хватило. Нам можно уйти домой?

Завхоз вынесла еще грабли, носилки, и мы стали убирать прошлогодние листья, сгребать их в кучи. В низине еще не просохло, там было сыро и грязно. По другую сторону от школы, на солнечной стороне, работал седьмой «А», поэтому Ситникова капризно тянула:

– Я не пойду в овраг, мне нельзя туфли пачкать, меня мама будет ругать.

Ну, конечно, она не пойдет, оттуда же не видно будет Ромашенко с Квасовым.

– А чего ж ты в туфлях пришла? Мы все в сапогах.

– У меня ноги от резиновых сапог болят.

Мы вчетвером убрали в низине, грузили мокрые грязные листья мальчишкам на носилки и подгоняли их:

– Быстрее, быстрее!

Гришка с Максом бегали с носилками, утаскивая всё в кучи за хоз/постройками и смешили нас. Алевтина Ивановна пару раз выходила из школы, но снова уходила в учительскую.

Мы уже заканчивали убирать, когда Валя поскользнулась и упала плашмя в грязь. Гришка с Максом были как раз рядом. Они стали помогать Вале отряхнуться, я сказала, что наоборот, не надо размазывать, надо подождать, пока высохнет, а потом дома почистить щеткой. Валя села на поставленные на землю носилки и стала вытряхивать листья и землю из сапога. Мальчишки подхватили носилки и подняли их:

– Мы понесем тебя, как индийского раджу! Держись крепче!

Они потащили ее наверх по склону, а мы побежали рядом и, складывая ладошки перед собой, хохотали и кричали:

– О, наша госпожа! Приказывай нам, что твоей душе угодно!

– Гришка, Макс! Не бегите, как лошади. Вы – слоны! Идите степенно! Плавно!

Мы дурачились и хохотали, и тут опять вышла на крыльцо Алевтина Ивановна:

– Антохина, Тамеева, Хотькова и Чумакова! Можете идти домой. Вам четверым выговор! Черенков и Олехнов, а вы идите помогать остальным, а не девочек катать!

Мальчишки пытались было сказать, что мы тоже хорошо работали и всё уже сделали, но Алевтина Ивановна не стала слушать:

– Или работайте, или можете за ними отправляться и завтра в школу с родителями!

Мы не стали ничего объяснять, обиженно развернулись и ушли. Почему-то пошли все к моему дому. Вале и Сашке идти мимо меня, но и Лерка пошла не к себе домой, а с нами. Всю дорогу мы молчали, растерянно поглядывая друг на друга. Я никак не могла проглотить комок обиды. Зашли в наш двор, там бабушка подметала мостки. Увидев нас, весело спросила:

– Уже наработались? Ой, Валя, а ты чего такая грязная?

Валя отвернулась и закусила губу. Я хотела бабушке рассказать, но не могла ничего выговорить и заплакала. Бабушка начала спрашивать Леру, и та тоже заплакала. Бабушка сказала:

– Саша, ты-то хоть расскажи что случилось.

Сашка точно не собиралась плакать, но почему-то тоже разревелась. Бабушка была от нас в полном недоумении. Вечером я рассказала обо всем маме. Думала, что она поговорит с Алевтиной, но мама сказала, что мы сами должны пойти завтра и прямо утром все ей объяснить. Я пошла в школу пораньше и подкараулила классную на крыльце. Алевтина сказала:

– Да, ваши заступники уже вчера мне все рассказали. Иди в класс.

Хорошо, что она не умела сердиться долго.

В Райком Комсомола мы ходили все, и кто вступал, и кто – пока нет. Все тряслись перед кабинетом секретаря, а в кабинет вызывали по одному, по алфавиту. Генка Акустьев вышел гордый и красный, а на груди комсомольский значок. Все кинулись к нему:

– Что? Что спрашивали? А ты что отвечал? На все вопросы ответил?

В это время в кабинете был Лешка Волков. И вдруг оттуда раздался какой-то шум и грохот. Слышим, говорят по телефону: «Скорую! В райком комсомола срочно!» Один дядька выскочил из кабинета и куда-то убежал. Тут же вернулся с пузырьком. Мы пытались заглянуть в кабинет, пока он двери открывал и закрывал, но нас всех отогнали. Скорая примчалась быстро. Санитары с носилками зашли в кабинет, а вышли оттуда с Лешкой на носилках. Он все порывался встать, но ему не давали. Говорили:

– Лежи, мальчик! Лежи спокойно!

Секретарь выскочил за ними из кабинета и, пока они шли с носилками по коридору, прицепил на ходу комсомольский значок Лешке на рубашку. А не упади Лешка в обморок, может его бы и не приняли, он же троечник, ничего выучить не может. Все тут же стали хихикать потихоньку, что надо теперь всем падать в обморок. А еще лучше – упасть дружно, разом! И выйдет секретарь райкома и приколет каждому лежащему на полу – комсомольский значок.

После этого из кабинета стали выходить быстрее. Сашку принимали предпоследней, у нее фамилия на «Ч». Мне уже надоело ее ждать. Мы договорились после того, как она станет комсомолкой, сфотографироваться вдвоем. Я тоже взяла белый передник, чтоб нам с Сашкой сфотографироваться одинаково и комсомольский значок взяла, он у меня уже давно куплен. Я не хотела на фотке быть без него. Пусть я еще и не комсомолка, ведь ничего же особенного в том, что я буду на фотке со значком? Не пионерский же галстук мне было повязывать. В фотографии я прицепила значок на белый передник, и мы сели перед камерой. Костя-фотограф усаживал нас то так, то сяк, наклонял наши головы друг к другу, поправлял лямки передника и, наконец, щелкнул.

А когда мы через два дня пришли за фотографиями, меня ждал сюрприз! Оказывается, я прицепила значок низко, и он не вошел в кадр. Сашка по-моему, была довольна. Она сказала:

– Справедливость восторжествовала. Нельзя надевать комсомольский значок, если тебя еще не приняли в Комсомол!

Нам дали три фотографии, мне и Сашке, а третью мы обещали дать моей бабушке Мане.

Женя – Саше: апрель

«...Ты предлагаешь подумать о лете. Давай подумаем. Я твоего плана не могу угадать по рисункам. Может так?»

Мы с рюкзаками отправились в поход на лодке. Плыли, плыли, приплыли к избушке. Потом шли по горам, по лесу и пришли на красивую лужайку. И легли на траву отдыхать и блаженствовать.

Так? Я тоже хочу скорей в поход! Алевтина Ивановна обещает, что мы пойдем на три ночи. Здорово было бы!

Ты написала мне одну строчку «В поле зеленом, в траве некошеной...» и просила дописать. У меня вот что получилось:

*В поле зеленом, в траве некошеной
Стоят два цветочка, стоят непохожие.
Один голубой, другой красненький.
Голубой блестит, как атласненький.
А красненький, словно ягодка...
Пароход идет, дает два гудка.
На белой палубе шлюпки с тросами...
Пароход, возьми нас матросами!*

Всё, дальше опять давай ты! Да, чуть не забыла!

Пионервожатая Лидия Иванна просила помочь нас сделать общешкольную стенгазету к 9 Мая. Я обещала. Мне не нарисовать так хорошо без тебя, останемся завтра после уроков? Предупреди свою маму, что придеешь из школы позже. Я тоже бабушке скажу»

Саша очень хорошо рисовала, Я любила рассматривать ее альбомы. У нее много альбомов, зарисованных и акварельными красками и просто карандашом, и ручкой с пером – чер-

нилами. По-моему, у нее нисколько не хуже получалось, чем у Нади Рушевой. Про Надю мы узнали из журнала «Юность» Она умерла в прошлом году. Мы видели ее рисунки, ее Пушкиниану. Здоровско! Мне бы так научиться! Я пошла с Сашкой вместе на кружок по рисованию, но у меня так не получается, как у Сашки.

Лидия Ивановна велела нам после уроков прийти в Пионерскую комнату. Мы с Сашкой зашли, а там – Ромашенко с Квасовым! И еще Крестовский. А на столе лежит стенгазета на большом листе ватмана. Лидия Ивановна говорит:

– О! Вот и подмога вам, мальчишки, пришла! теперь дело пойдет быстрее! Всё успеем.

По-моему, я сразу поглупела, когда оказалась рядом с Ромашенко, начала по-дурацки смеяться над каждым пустяком.

У мальчишек уже много было сделано – рисунки почти нарисованы, некоторые пока еще карандашом, не раскрашены красками. Гора, по склону которой идут пионеры с галстуками и подпись «Тропа красных следопытов». Дальше низменность и подпись «Долина Мужества», ну и всякое такое: Мыс Героев, Остров Подвига... А внизу Квасов пишет заметки, отчеты о проделанной красными следопытами работе по поиску неизвестных героев. У Квасова почерк хороший. Ромашенко рисует, а Крестовский только ходит важно и советы всем дает.

Лидия Ивановна велела мне печатать название всей стенгазеты большими красными буквами – ПОИСК КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ, Саше подправить и дорисовать, что еще не нарисовано. Только мы начали с мальчишками вместе рисовать, Лидия Иванна собралась уйти:

– Так. Вы все тут доделаете, пионерскую комнату закроете и ключ отдадите уборщице. Хорошо? Мне надо бежать.

Я даже обрадовалась, что мы остаемся с ребятами, но сразу после ухода Лидии Ивановны, мальчишки стали к нам подлизываться:

– Саша, Женя, вы ведь доделаете без нас? Мы сделали почти всё, вам совсем немного осталось – название да еще по мелочи.

– Сашенька, Женечка, отпустите нас домой!

Я про себя подумала: «Конечно, ты сейчас – Женечка, Сашенька, а сам побежишь Ситникову догонять», но отказать никак не могла. Ромашенко меня просит!

– Идите! – великодушно разрешила я.

Парни схватили портфели и унеслись, а мы с Сашкой высунув языки, дорисовывали и допечатывали. Потом и Сашка глянула на настенные часы:

– Ой, Жень! Уже пять часов! А я забыла маму предупредить. Я уже тут все дорисовала, может быть я пойду?

Мне еще оставалось три буквы, я Сашку отпустила тоже, а сама с таким увлечением красила красной гуашью буквы, старалась ровненько, чтоб не вылезти за черту, и напевала:

– Пусть ветер ветер, ветер, ветер кружится!

В дорогу, красный следопыт!

На остров Подвига.

На берег Мужества,

На мыс Героев наш путь лежит!

Ну, раз уж я все доделала, я решила и повесить стенгазету в зале. Пусть Ромашенко придет утром и увидит, какая я ответственная! Не то что эта пустая Ситникова! Только глазки умеет строить. Я взяла кнопки, прикрепила газету по всему периметру к фанерной доске объявлений, отдала ключ техничке и ушла домой. Весь вечер представляла, как завтра Ромашенко перестанет бегать за Ситниковой, а обратит внимание на меня.

Утром мы с Сашкой подошли к школе одновременно, разделись внизу и поднялись по лестнице. В зале творилось что-то невообразимое – пол-школы толпилось у стенгазеты, стоял хохот. Не понимая, в чем дело, мы подошли доске объявлений, но не сразу поняли причину всеобщей истерики. Из обрывочных всхлипов и выкриков стало что-то складываться. Я прочитала название и похолодела. Большими буквами поверху, через весь лист краснела надпись:

ПОИСК КРАСНЫХ СЛЕДОКОПЫТОВ

Ё-моё! Откуда взялся этот лишний слог КО? Я так старалась ровно начертить буквы и аккуратно их покрасить гуашью, что даже не прочитала ни разу всю фразу. Но откуда они взялись? Как я могла так написать? Точно, поглупела в присутствии Ромашенко. А сейчас он хохотал, как конь, глядя на меня. Его внимание мне было обеспечено. Я хотела снять газету, но меня отгаскивали от нее:

– Пусть повисит!

Я ушла в туалет и там заплакала. Сашка меня успокаивала, но я не вышла и после звонка. Когда в школе все стихло, поднялась наверх, стенгазеты на стене не было. Я пошла с портфелем в пионерскую комнату. Газета лежала на столе, а пионервожатая Лидия Ивановна аккуратно отрезала ножницами верхнюю часть с буквами. Она посмотрела на меня, наверное, хотела поругать, но передумала:

– Ладно, Женя, не переживай. Мы сейчас вот такотрежем, а название напишем на отдельном листе. А ты почему с портфелем? Совсем собралась убежать? Давай уж, на следующий урок иди. Посмеются и перестанут.

Женя – Саше: май

«...Саша, поехали завтра за черемухой! На велосипедах. У меня в огороде уже распустилась, но она маленькая черемушка – жалко ломать. Хочу букет на стол и – нюхать!

Ой, скорей бы лето! Осталось совсем немного. И хочется скорей в поход. Интересно, Алевтина не обманет? Пойдем так, как мы и хотели, на три ночи?

Если первая ночь будет в Белом Ручье, то сходим к бабушке, она нас с тобой звала. Правда, и Лерка хочет с нами, если не возьмем, надует губы.

Скоро у нее день рождения. Пойдем? Ой, я вспомнила, как мы с тобой прошлый год Лерке не сговариваясь одинаковую мозаику на день рождения подарили...»

К Лерке на день рождения мы ходили в прошлом году. Она пригласила нас к пяти. Мы с Сашкой встретились почти у Леркиного дома – на горе. Леркин дом под горой, на берегу старого Мариинского канала, к дому ведет крутая лесенка – прямо в траве уложены деревянные ступени. У них маленькая квартирка в деревянном доме: кухня и одна комната.

Тут и выяснилось, что мы принесли одинаковую мозаику в подарок. У Лерки уже были Валя и Наташка Быстрова, которые доедали жареную картошку. На столе стояла пустая сковорода из-под нее и бутылка лимонада. В центре стола тарелка со столовскими пирожками под названием «котлета в тесте». За столом кроме Вали и Наташки, сидели – сама именинница Лерка и ее сестра Нина, младше Лерки на пять лет. Мы с Сашкой сели тоже. Тетя Валя, которая уже была немного навеселе, сказала:

– Картошки больше нет, пейте лимонад! – и разлила нам его по стаканам.

Нине лимонада досталось меньше всех, и она громко заревела. Тетя Валя сказала:

– Не ори, я сейчас сбегая до магазина и куплю еще бутылку! – и отлила Нине из Леркиного стакана.

Я протянула руку за котлетой в тесте, но увидела, что вместо котлеты в тесте дырка, пахнувшая мясом. Хотела взять другой пирожок, но с ним было то же самое. Из всех пирожков была вытащена котлета, зияли сквозные дыры. Тетя Валя увидела, как я перебираю на тарелке:

– Ну, Нинка! Это ты, небось, все вытащила?

Нинка вжала голову в плечи и ничего не сказала. Я видела, что Лерке стыдно, и мне стало ее жалко.

В следующее воскресенье мая мы с Сашкой поехали на велосипедах за черемухой. День был солнечный, настроение хорошее – скоро конец учебного года! Мы ехали в Озёрки; там вдоль дороги всё бело от черемух, я видела это из окна автобуса, когда мы с мамой ездили к бабушке Мане.

Когда кто-нибудь приезжий слышит от нас название Озёрки, всегда переспрашивает и поправляет:

– ОзеркИ! – с ударением на последнем слоге.

Но мы знаем, правильно – Озёрки, ударение на Ё. Озёрки – это маленькие-премаленькие озера. Их там полно. С Озёрок начинаются подъем в сторону Девятин, дорога идет то круто в гору, то вниз, но больше в гору. На велосипеде ехать дальше трудно, а до Озёрок нормально. Мы с Сашей ехали и пели во все горло:

Трудно было человеку десять тысяч лет назад —
Он пешком ходил в аптеку, на работу, в зоосад.
Он не знал велосипеда, слепо верил в чудеса,
Потому что не изведал всех достоинств колеса....

А солнце у нас на спицах! И синева на голове – как в песне. Ветер нам в лица, обгоняем шар земной...

Даль-даль-даль-даль,
Даль-даль-даль-даль!

В Озёрках и правда – черемух видимо-невидимо! Обратно ехать еще веселей, хоть незаметно, но все-таки под гору. Можно вообще педали не крутить! Разгонимся и ноги в стороны расставим. Ветер в ушах свистит, перед лицом огромные букеты черемух к рулю привязаны, от запаха голова крУгом. И снова переглядываемся, улыбаемся друг другу и поем во все легкие:

Ветры и вёрсты,
Убегающие вдаль,
Сядешь и просто
Нажимаешь на педаль.
Даль-даль-даль-даль
Даль-даль-даль-даль
Даль-даль-даль-даль
Даль-даль-даль-даль

В поход мы после окончания учебного года пошли, но все было не так, как мы планировали. Собрались не все: пятеро мальчишек и четырнадцать девчонок. У остальных нашлись уважительные причины. Дураки! Мне бы никакая причина не показалась уважительной для того, чтоб пропустить это мероприятие. Конечная цель нашего путешествия – Анненский Мост. Пятьдесят километров. Почему именно туда, мы не спрашивали. Мы мечтали, как будем

строить шалаши для ночлега, как будем спать в походных условиях, готовить еду на костре и сидеть в ночи вокруг костра под яркими звездами.

Сначала Алевтина сказала, что до Белого Ручья мы поедем на автобусе. Ну, ладно, это еще куда ни шло, первые двадцать километров на самом деле не так интересны, идти с рюкзаками по асфальту – ничего приятного, а другой дороги туда нет. Но получалось, что в Белом Ручье ночевки у нас точно не будет.

Вывалившись из автобуса, мы по песчаной дороге пошли в сторону Анненского. Здесь мне были знакомы все повороты, все дороги, здесь жила моя бабушка Маня. Я и с Сашкой к бабушке ездила, и с Леркой. Если свернуть направо и подняться в гору по лесной дороге, а там пройти бором около километра, то выйдешь на крутой песчаный берег канала. Можно спуститься на берег и искупаться, но вода там коричневая, как какао, оттого что часто проходят суда, да и дно резко обрывается вниз – сразу глубина. Бабушка не разрешала там купаться – суда шли часто, выйдет из-за поворота, не успеешь доплыть до берега, тем более, что плавали мы так себе, по-собачьи.

Спуститься вниз тоже можно только в одном месте, этот берег обрывист и подходит к самой воде, оставляя только узкую песчаную полоску. Когда стоишь внизу вплотную у отвесной стены и в это время проходит теплоход, то волна от него накатывает до самых твоих ног. А лучше всего сидеть на высоком берегу и махать руками проходящим судам. Канал здесь неширокий, вполне можно разглядеть лица людей. Тебе в ответ всегда кто-то помашет: матросы с сухогрузов, или пассажиры с белых трехпалубных теплоходов.

А купались мы в небольшом лесном озерце, когда возвращались в поселок другой дорогой. Только иногда там надо было пересидеть в укромном месте и выждать, чтоб ушли мальчишки, которые тоже любили это озеро. Один раз мы с Сашкой лежали за горкой часа два, как партизаны и смотрели на троих купающихся мальчишек. Один из них был Вовкой Скворцовым, бабушкиным соседом, а двоих мы не знали. Они разожгли костер и грелись у него накупавшись, а мы все лежали в траве и смеялись, когда Вовка с друзьями стали мочиться в костер чтоб потушить.

Сейчас мы миновали Депо, Медвежку и шли по дороге, медленно поднимающейся в гору. Первый привал у нас был через километров двенадцать-тринадцать, за паромной переправой в Волоков Мост. Он так называется потому что там раньше суда перетаскивали волоком между реками Талица и Вытегра. Потом построили Мариинскую систему, а теперь там шел канал Волго-Балт.

Выбрали поляну на горке в стороне от дороги и достали из рюкзаков хлеб, яйца, соленые огурцы, лимонад.

– Ребята, кто с нами строить шалаш!

– Алевтина Ивановна, давайте здесь устроим ночлег!

Алевтина пыталась возразить нам, что ночевать мы здесь не будем, но Генка с Максом и Гришкой уже вбивали колья в землю, мы подтаскивали им ветки и прутья, плести шалаш. А потом они обещали сделать такой же для нас. Рядом свой шалаш строили Карп и Сазан – Карпов с Сазанковым. Какие-то девчонки тоже таскали им материал. Алевтина надрывалась:

– Оставьте свои шалаши! Прекратите! Мы идем дальше! Так! Если вы сейчас же не подойдете ко мне, поход прерываем, возвращаемся домой!

Мы нехотя взяли рюкзаки, с сожалением оглядываясь на каркасы наших жилищ, осталось только накрыть толстым слоем веток и готово! Алевтина вывела нас на дорогу и через пару километров мы на автобусной остановке:

– Сейчас будет вечерний автобус на Анненский, мы доедем на автобусе.

Мы разочарованно заныли:

– Ну-у-у-у!!! Опя-а-ать на авто-обу-се-е!

– Ну, что это за похо-од?

– Ну, Алевти-и-ина Ива-анна-а! Ну чего мы так торопимся в этот Анненский? Ну, давайте где-нибудь переночуем в лесу-у! А завтра в Анненский.

Но Алевтина сжала губы и молчала. Мы загрузились в подошедший автобус. А в Анненском нас ждал еще один сюрприз – мы будем ночевать в здании школьного интерната и ужинать в столовой – никаких шалашей там или пещер, никаких костров. Тетка-завхоз бросила нам тюфяков и подушек, по количеству путешественников, Алевтина скомандовала:

– Мальчики стелите себе тюфяки к той стене, а поверх их свои постельные принадлежности; девочки – сюда, в этот конец зала. Я буду здесь же, с вами.

Мы вообще приуныли, настроение испорчено. С кислыми лицами стелили матрасы и раскладывали вынутые из рюкзаков байковые одеялки. Выглянули из окон нашей огромной спальни и увидели перед школой большое футбольное поле. Ребята позвали:

– Девчонки, пошли в футбол играть!

Мы скатились по лестнице и разделились на две команды: пять мальчишек и двенадцать девочек. Алевтина – судья. Гришка пытался объяснить нам, что так нечестно, но мы на пальцах доказали им, что как раз все честно: у них опыт, мы ни разу в футбол не играли. И вообще, они сильнее и бегают быстрее.

Никакие правила, с которыми нас на скорую руку познакомили, мы конечно, не соблюдали, но все равно, первый тайм проиграли всухую, с огромным счетом.

Мальчишки носились по полю с мячом, обходя нас и пасуя друг другу. Понимая, что нам у них не выиграть, хотя нас чуть ли не втрое больше, мы пошли на крайние меры. Трое, повиснув на Гришкиных руках, держали его в воротах, по двое на Генку с Максом, а остальные вели мяч к вражеским воротам, отпихивая Карпа с Сазаном руками и ногами. Возмущенные крики мальчишек, наш хохот и вопли... мы сравняли счет и победили! Алевтина тоже смеялась с нами.

– Давайте еще разок!

– Да ну вас! Это не футбол, а черт-те-что! – возмущались проигравшие.

– Ну ладно вам! Давайте играть в черт-те-что! Зато весело!

Мы еще раз сыграли с мальчишками, но тут уже дошли до полного непотребства. Мы просто бегали с криками по полю, одни из нас утаскивали Гришку-вратаря из ворот, другие теснили Генку, Макса и Ваньку с Колей, третьи забивали, а иногда просто закидывали мяч в ворота руками. Казалось бы, должны были устать, но в зале еще долго не могли успокоиться и кидались подушками. Голос Алевтины потонул в наших криках, она, пытаясь нас упокоить, встала посередине зала, но мы успокоились только тогда, когда брошенная кем-то подушка сшибла классную с ног. Тут уже наступила тишина, мы улеглись.

Утром после чая с хлебом и маслом мы пошли к шлюзу св. Анны на старой Мариинке. Экскурсия? Учебный год закончился, нам уже не хотелось слушать ничего.

– Село Анненский Мост упоминается в летописях датированных..., как Аннинский Мост, и возникло в результате слияния трех...

– Антошина, отойди от края!

– ...история Анненского Моста, уходит в 4—5 тысячелетие до нашей эры, это подтверждают проводимые археологические раскопки Кемских курганов...

– Черенков и Олехнов, вы куда отправились? Вернитесь!

– ... о полноценном соединении волжских вод с балтийскими давно мечтал царь Петр I. В 1711 году Петр I сам лично исследовал водораздел между Вытегрой и Ковжей, мечтал о соединении их, встречался с местными крестьянами в селе, которое позднее стали называть Петровским. Мы вчера проезжали через него...

– Да, Тамеева, если бы вы вели себя, как следует, не потратили столько времени зря, мы бы прошли и остановились там, а не проехали!

Алевтина в конце концов объявила нам, что через час автобус, и мы возвращаемся в город. По домам. Мы разобиженные, не разговаривали с ней всю обратную дорогу. Между собой шептались о том, что она с самого начала знала, что мы пойдем всего лишь на одну ночь. У нее так и задумано было, а к чему придрататься, чтоб на следующий день вернуться, она бы нашла в любом случае. «К мужу и сынку торопится», «Лучше бы сами, одни в поход пошли, чем с ней...» ворчали мы шепотом.

*Школьная пора, и при всякой погоде
Пропадали пропадом мы во дворах.
Через года слышу мамин я голос.
Значит, мне домой возвращаться пора.*

Женя – Саше: август

«...Как быстро лето кончилось, да?

Скоро в школу. Ты хочешь? Ты на рисунке ошиблась, нарисовала меня в гольфах, а я, наверное, 1 сентября в чулках пойду. У меня нет белых гольфов. Колготки у меня зеленые, да и те все зашитые – я их в деревне порвала об изгородь.

Саш, я маме рассказала про шпиона, а она почему-то испугалась, но вовсе не за наш город. Она начала спрашивать, как он выглядел, да что мы ему сказали, и строго настрого запретила подходить к незнакомым мужчинам. И следить за ним запретила.

А мне все-таки хочется 1 сентября!

Здорово, что мы будем учиться в новой школе, правда?

Спасибо за рисунок и за песню «Там за рекою».

Я тебе на конверт пришила веточку калины. Это потому, что уже почти осень. Только ты ее сними и в воду поставь, чтоб не завяла...»

В конце августа мы с Сашей гуляли по нижней аллее, что идет вдоль реки от милицейского к каменному мосту, в сторону бани, а на берегу стоял мужчина с удочкой. Рядом с ним на траве лежала сумка на длинном ремне. Был он какого-то не здешнего вида. Не знаю, что, но что-то неуловимо выдавало в нем приезжего. Мы остановились посмотреть, кого он там ловит, кого на крючок насаживает, и тут он с прибалтийским акцентом сказал:

– Девочки, давайте я на крючок печеньку насажу и буду вас ловить!

Мы засмеялись и убежали. По дороге догадались, что он, наверняка, вовсе не рыбу тут ловит, а высматривает все секретные объекты нашего города.

– Ты заметила, как он не по-нашему говорит? Это, точно, иностранный шпион! Наверное, у него в сумке чертежи нашего шлюза и водосброса. Ведь говорят же, что если сбросить бомбу на водосброс, то весь наш город затопит и смоеет в Онего!

Мы решили разработать план, как вывести его на чистую воду и сдать в милицию. И нам, может быть, дадут медаль! Но когда я рассказала об этом шпионе маме, она всполошилась и запретила нам подходить и разговаривать с любыми дядьками.

Нашу восьмилетнюю школу №2 объединили со средней №2, а здание бывшей восьмилетки отдали под детский дом, который перевели откуда-то в наш город. Мы теперь стали учиться в большом старинном белом здании. Раньше, еще до революции в нем была Женская гимназия, в советские годы стало педучилище, а потом, как раз в тот год, когда мы родились, сделали среднюю школу. Она стоит напротив Парка культуры и отдыха, через дорогу. Парк густой, на большой перемене старшекласники бегали туда курить.

Нам очень понравилась школа, с высоченными потолками, с широкой каменной лестницей на второй этаж, прямо в актовый зал. В школе было много зеркал. Высокие, в белых рамах они стояли почти в каждом проеме между классами, кроме левого коридора, в котором

и находился наш класс – кабинет химии. Это левое крыло было самым унылым и темным. Но мы не переживали, потому что нам приходилось все время кого-то пускать сюда на урок, а самим ходить по школе, по другим классам. Сидим на перемене, вдруг дверь открывается и кто-нибудь вваливается:

– Кыш! У нас химия! Дуйте в наш, в 10 «Б»

Детдомовские, что жили теперь в нашей бывшей восьмилетней, тоже ходили в нашу школу. К нам в класс пришли двое: Лиза Золотарь и Володя Новиков. Лиза черноволосая и черноглазая, с ямочкой на подбородке, похожа на цыганку. Наши девочки рядом с Лизой смотрелись малолетками – у нее была большая грудь, попа тоже, но Лиза выглядела не полной, а взрослой. Высокий и симпатичный Володя все время молчал, не смеялся, не улыбался, лицо его было каким-то неподвижным. Он сидел с Лизой на последней парте у двери, и когда я оглядывалась, часто ловила его взгляд на себе.

Мы с Сашкой сели у окна на третьей парте. За окном школьный огород, напротив наших окон яблони и грядки с клубникой. Лерка с Валею тоже на третьей парте, но в среднем ряду.

Ситниковцы не общались ни с детдомовскими ни с интернатскими, а нам Лиза понравилась, мы уже успели с ней подружиться. Приходили не раз к ней в д/дом, но нас туда не пускали. Лиза выходила и мы сидели долго напротив дет/дома в беседке в заброшенном саду. Разговаривали. Расспрашивали, как они живут, как вообще всё там у них, где у нее родители. Про родителей она ничего не рассказывала, сказала только, что их нет. Вообще, она была взрослая по сравнению с нами. Говорила, что закончит восемь классов и пойдет в училище или в техникум, надо скорей работать, зарабатывать деньги.

Как-то она спросила, нет ли у нас чего-нибудь, она есть хочет. Я позвала ее к нам ужинать, но она твердо отказалась. Вообще отказалась приходить, и ко мне, и к Сашке, и к Лерке. Сказала, ни к чему это. Мне показалось здоровским, что она такая самостоятельная и взрослая, и я сказала, что хочу с ней поменяться на недельку, она к нам, а я в дет/дом, а Лиза посмотрела на меня строго и сказала:

– Дурочка ты, Женя. Ты даже не знаешь, какую глупость ты сказала.

Женя – Саше: ноябрь

«...Что-то я давно тебе не писала. И от тебя не получала. Ты дневник ведешь? Я в дневник месяц ничего не записывала с 14 октября, в общем, с того дня, как в комсомол вступила. Кажется, я твоего вступления в комсомол прошлой весной ждала больше, чем своего. Тогда был юбилей Ленину – 70 лет, вас принимали торжественно, а нас как-то тихо. Приняли и приняли.

И в школе мне что-то уже надоело, хочется обратно в лето.

Давай сегодня или завтра сходим к Лизе в больницу? Новиков сказал, что у нее язва желудка, она пролежит недели две.

Отнесем домашнее задание, уроки там с ней сделаем. Ладно?»

По утрам за мной заходили Саша с Валею, а мне так не хотелось вставать! Бабушка начала меня будить минут десять восьмого:

– Вставай, самовар вскипел!

Но как только она выходила из комнаты, я снова закрывала глаза. В семь сорок она прибавляла на радио громкость, начиналась «Пионерская зорька» – я лежала и пыталась доспать. С окончанием «Зорьки» открывалась дверь, и заходили Валя с Сашей, теперь, когда мы перешли в другую школу, я стала жить к ней ближе всех, на полпути от Сашиного дома.

Бабушка заглядывала снова:

– Бесстыжая! Вон уж девочки за тобой зашли!

Я вскакивала, натягивала форму, бежала к умывальнику, мочила под ним кончики пальцев и протирала глаза. Опять скрывалась в комнате, хватала портфель и выскакивала за дверь, на ходу надевая куртку,

– Куда ты без чаю? Я уже и песок положила! Булки хоть откуси!

Иногда я выпивала глоток чаю на ходу, а чаще бабушкин крик ударялся о захлопнувшуюся дверь. Я по пути открывала дверь в кладовку, черпала пару горстей клюквы из корзины в карман и убегала. По осени, куда бы мы ни шли: в школу, гулять, в кино, мы набирали полные карманы клюквы. Семечки в бумажных кульках на базаре у бабок стоили пятнадцать копеек, да и мусору от них было много, а клюква у всех была бесплатно дома, наношена на зиму по несколько ведер.

Валька шипела:

– Если ты не будешь раньше вставать, я перестану за тобой заходить!

Я давала слово к их приходу быть готовой...

Женя – Саше: декабрь

«...Ты еще не написала книгу? У меня фантастика не пошла, я не знаю, как продолжать. Начала другую. Вчера дала прочитать Лерке одну главу, а она посмотрела на меня, как на глупую, и наговорила всего, она же не знает ничего, что будет дальше.

Не буду ей больше давать читать.

Лерка хочет, чтоб на новогоднем бале-маскараде мы были Феями! Сшить длинные пышные платья. Можно из марли, и потом их покрасить. Можно зеленкой – Фея лета, или марганцовкой – Фея весны. Здорово! А Фею зимнюю можно оставить белой. Или синькой подсинить. Ты будешь Феей?

Заходите завтра с Валькой, я встану раньше! Честное комсомольское!»

Писать мы с Сашкой и Леркой не перестали, но решили, что рассказ – не наш жанр. Там всего не расскажешь, надо писать сразу повесть! Сначала я задумала фантастическую повесть про космические корабли, про другие планеты, но я не могла придумать ничего нового, получался винегрет из того, что я прочитала в книгах у Сашки. У них дома было много книг из «библиотеки фантастики и приключений».

Потом я решила написать повесть о девочке – моей ровеснице. И дала Лерке прочитать главу из нее, где описано было, что у девочки брат старше ее на полгода. Лерка только начала читать и сразу сказала:

– Так не может быть. Самое малое, он должен быть старше ее на 9 месяцев!

Но она же не знала, что у меня в повести была интрига – в конце бы выяснилось, что брат приемный, усыновлен их мамой. Я была уже не душой, но допустила такую ошибку в сюжете – сделала разницу в полгода у брата с сестрой. Я не стала объяснять Лерке, что брат не родной и все такое. Просто отобрала тетрадь.

Наверное, в этом сюжете я воплощала своё тайное желание иметь брата. Старшего. Который бы меня защищал. От кого защищать – я не знала, но мне не хватало папы или, хотя бы старшего брата. Папу не вернешь, брата – старшего, так же невозможно заиметь, и по вечерам в постели я мечтала: а вот бы мама встретила какого-нибудь мужчину. У которого умерла жена. А у него бы был сын – старше меня на год, или бы ровесник. И я придумывала этого брата и придумывала ему имя. Пусть его зовут Саша. Или Сережа. Или, пусть его зовут как угодно, но только пусть он будет!

Но мама ни за кого замуж не собиралась, и я придумывала себе брата в своей повести.

Перед новым годом мы начали шить с Леркой себе платья. Саша не захотела быть Феей, тем более, что она не собиралась на новогодний бал, они с мамой куда-то уезжали.

Марля в аптеке стоила недорого, мы купили по большому куску, и мама помогла нам раскроить платя с широкими длинными юбками. Мы шили у нас, на ножной швейной машинке. С изнанки собирались пришить по два кольца из алюминиевой проволоки, чтоб юбки были пышными. Зеленка окрасила мое платье хоть и неровно, разводами, но в красивый зеленый цвет, а вот Леркино платье из ожидаемого розового получилось рыжеватым. Она решила, что будет не весна, а осень и нашла на него листьев из цветной бумаги: красных кленовых, желтых березовых, зеленых дубовых... На моем зеленом платье были бумажные цветы. На головы мы сделали колпаки с вуалью, так же украшенные под лето и осень.

В школе так же висело объявление, что вход на бал только в костюмах. Мы с Леркой ждали праздника! В этом году мы уже шли на бал старшеклассников: только восьмые, девятые и десятые! Мелочь, вроде семиклассников и тем более – шестиклассников не пустят, у них будет отдельный праздник. Идти в наших платьях по зимней улице три квартала было невозможно, поэтому мы понесли наряды в руках. В нашем классе на партах лежали кучами пальто, вдоль стены – валенки и бурки. Мы с Лерой переоделись и расправили на себе проволочные каркасы под юбками. Ситниковцы были нарядны, Светка в кружевной блузке с юбкой, Абрашина в ярком платье из панбархата. Они с улыбочкой переглянулись между собой и вышли из класса. Настроение у меня начало портиться. Мы с Леркой поднялись по широкой лестнице и не встретили НИКОГО, кто бы был в костюме. В актовом зале тоже не увидели ни одного костюма. Посередине стояла елка, а вокруг был полный зал красивых нарядных старшеклассников и таких же красивых, веселых учителей. Только мы – две Феи-дурочки.

Все взгляды были устремлены на нас, но в них не было восхищения, как мы ожидали. Поднятые брови, широко раскрытые глаза, улыбки. Я почувствовала себя в этом крашеном зеленом платье из марли полной идиоткой и стала подталкивать Лерку обратно к выходу:

– Я не буду в нем. Пойдем снимем.

– Мне нечего надеть, не в форме же идти сюда.

Мама моя, как будто знала, велела мне пойти в школу в трикотажном сером платье черными звездочками. Платье было ее, оно мне нравилось давно, и мама к новому году ушила его на меня и укоротила подол. А у Лерки платья не было никакого. Она на уроки ходила в школьной коричневой форме, а после школы – в юбке и клетчатой рубашке. Больше у нее не было нарядов.

– Лер, ну лучше иди в форме.

– Нет, не лучше. Давай останемся так! Все привыкнут и перестанут пялиться. Ведь красивые же платья!

– Нет, Лер, я не могу, я сниму.

– Я тогда пойду домой.

Я чувствовала себя предательницей, но на бал хотелось, я переоделась в свое платье и, проводив взглядом Лерку, уходящую из школы и уносящую подмышкой скомканное платье Феи Осени, побежала наверх к одноклассникам. Музыка, веселье, смех. Новый год!

Весной в нашем магазине, когда я покупала хлеб, вместо сдачи с рубля мне дали лотерейный билет за тридцать копеек. Бабушка долго ворчала на продавца Тонюху и на меня за то, что я дала себя обмануть, что ей бы уж ни за что не всучили этот билет, что деньги выкинуты на ветер. Но, когда в газете принесли таблицу розыгрышей, вдруг оказалось, что билет выиграл сорок рублей. Я сразу заявила, что выигрыш мой, потому что все были против, когда я принесла билет. И что мне нужно купить новый велосипед!

О велосипеде я мечтала давно. До сих пор мне всё доставалось после Толи: коньки, лыжи, финские санки, велосипеды. Велосипед «Орленок», на котором я ездила, был старый, во многих местах тронут ржавчиной, к тому же уже маловат для меня. Мама согласилась, и вскоре у меня появился новый дамский дорожный велосипед с яркой разноцветной сеточкой

на заднем колесе. За 37 рублей. Я была такая гордая, когда вечерами мы выезжали с Сашкой на Архангельский тракт.

Иногда в наш край приезжали Абрашина с Ситниковой и мальчишки. Олехнов, увидев меня на новом велосипеде, стал приставать, таранить меня своим черным «Уралом». Бамс! Я упала. А у меня на переднем колесе восьмерка! Несколько спиц вылетели, колесо искривилось. Я еле сдержала слезы и увела велосипед домой. Макс, по-моему и сам пожалел о случившемся, но поздно. Дурак! Дурак!

Женя – Саше: май

«...Приезжал Толя и починил мой велосипед. Правда, колесо все равно осталось немного кривовато, но хотя бы не очень заметно.

Помнишь, как мы Олехнова в шестом классе на продленке связали и бросили в сугроб прямо с крыльца? А мимо шел директор, увидел нас всех и спросил: «За что вы его, девочки?» Мы сказали, что за дело. А он улыбнулся: «Ну раз за дело...» и пошел дальше. Надо было Макса оставить в снегу подольше полежать. Может, был бы умней. А то мы же его и пожалели, руки потом ему все вместе растирали, отогревали. Зря!

А меня Абрашина пригласила к ней на день рождения!

Я пойду, наверно. Я думаю, Ситникова там будет с С.Р.

Скоро уже экзамены, я по геометрии еще билеты не выучила. Только половину, а ты?...»

У Абрашиной на дне рождения были, конечно, Ситникова, Звонарева, Кошкина, Анькина соседка – Наташка, ну и троица: Ромашенко, Квасов, Крестовский. Я опять выступила полной душой. Сначала было все нормально. Родителей дома не было, Анькина мама все приготовила и ушла, старший брат Васька посидел с нами за столом и тоже ушел гулять.

Все начали придуриваться, девчонки говорили глупости и хихикали, кривлялись перед парнями. Я хотела показать, что я не такая пустоголовая, как они, я задумчиво подошла к этажерке с книгами, порылась и вытащила Лермонтова. Забралась на лежанку, стала читать. На самом деле я не прочитала ни одной строчки, как раскрыла на середине, так и сидела, глядя в книгу с умным видом, а на самом деле прислушиваясь к каждому слову девчонок и Ромашенко да иногда сверху поглядывая на девчонок, когда они громко смеялись. С усмешкой. Как бы показывая своим видом, что я их дурацкие хихиканья не одобряю. Я не такая дура.

Ромашенко подошел, посмотрел, что я читаю, сказал:

– У-у-у! – и отошел.

Он все убежали на улицу во двор, я не знала, что мне делать: то ли бежать за ними, то ли продолжать «читать» Лермонтова. Через несколько минут девчонки забежали в дом с визгами, а за ними ребята. У Квасова в руке была дохлая мышь. Не знаю уж где он ее нашел, в сарае, наверное, но он держал ее за хвост в вытянутой руке. Девчонки стали бегать по дому и визжать. Анька Абрашина залезла ко мне на лежанку, укрылась за моей спиной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.